

В России большинство поэтов живут в провинции. Успеха добиваются в основном те, кто перебирается в столицы — Москву или Петербург. Крайне редко успех приходит к тем, кто никуда не переехал. В последние годы поиск молодых талантов превратился в своего рода литературный квест — в нём участвуют большие и малые премии, конкурсы, журналы, государство и частные литературные кладоискатели. В связи с этим всплыло множество новых ярких имён. Но Прокошин был раньше. До всех этих квестов. Не переехал в Москву, не напивался с классиками, не стажировался в Липках, не обивал пороги толстых журналов с подношениями. Однако те, кому было нужно, его заметили. Точнее даже не его, а его стихи. Сам Валера был тихим, в меру ироничным, не навязывающим себя человеком. Просто он сумел сказать о провинциальной России так, как до него не сказал никто. Но как же так случилось, что из тысяч пишущих в России только ему это удалось?

Во времена Прокошина литературных рейдов в провинцию за талантами ещё не было. Только-только появился в России интернет. Вначале, опять же, в столицах, потом потихонечку начал заползать в глубинку. Наверное, когда-нибудь напишут не одну докторскую диссертацию его о влиянии на русскую литературу конца XX — начала XXI века, которое оказалось огромно. Интернет обрушил многие устоявшиеся литературные авторитеты, многие — создал сам. Он дал возможность действующим, пишущим «здесь и сейчас» поэтам общаться онлайн, оценивать друг друга в режиме реального времени. Но он не только приблизил поэта к поэту. Интернет дал поэтам бессрочную всемирную визу на общение с читателями из любой точки земного шара.

Валерий Прокошин начинал как простой провинциальный поэт — слабые рифмы, штампы, слова-паразиты, не слишком яркая, порой вторичная образность... На фоне этого выделялись отдельные стихи как прорывы, показывавшие его потенциал, но ему некуда было двигаться, пока не появился интернет. А Прокошин, не имея высшего, да и вообще — просто качественного гуманитарного образования, к счастью, был готов слышать и учиться. Он из тех поэтов, кто сделал себя сам — для меня он стоит в одном ряду с Николаем Гумилёвым, например. Конечно, были друзья, которые поддерживали и помогали, но было и огромное стремление понять, что такое поэзия сегодня, из какого вещества она состоит. Он много читал: литературные журналы, интернет-журналы, стихи коллег и мэтров в социальных сетях, искал свой стиль, язык, образность... Составляя его книгу стихов «Тяжелей чернозема» (Москва, Arsis Books, 2019), я видел, как он ломал свою манеру письма, как ощупью двигался в полутьме поэтического простран-

ства, иногда балансируя на грани, иногда отступаясь, но никогда не останавливаясь, двигаясь только вперёд.

Его интересовала «живая жизнь» — он писал о том, что волнует людей и его самого, о чём пишут в прессе и рассказывают по ТВ (это было в 90-х, помните?) «Русское кладбище» — цикл, никогда не входивший полностью в его книги, разве что отдельными стихами. Это стихи о страшных годах советской России — расстреле царской семьи, голоде, людоедстве, красном терроре, ГУЛАГе, о судьбах писателей, сломанных и убитых советской системой, об атмосфере страха, о нём самом, выросшем в стране кровавых кошмаров. Эта тема преследовала его, не давала покоя.

Валерий Прокошин был успешным учеником в своей собственной школе самообразования. Он пробовал себя в любых новых поэтических формах, о которых слышал. Венок сонетов — пожалуйста! Хайку — легко! Танкетки — главное, вовремя остановиться! Сказки на современный лад («Сказки СССР в мрЗ») — не вопрос! Первая в русской поэзии поэма об интернете («Мать-и-матрица») — это тоже он! В его поздних стихах появились горечь и ирония, порой самоирония, и боль, которую он пытался прикрыть показным цинизмом.

А что такое «поздние стихи» у Прокошина, ушедшего от нас в 49 лет? Собственно, основной блок его главных стихов написан в 2006-2007, за каких-то два года. А уже в последний год жизни писать он не мог, хотя пытался (остались черновые наброски), и страшно мучился этим...

В своих главных стихах он вышел далеко за пределы родного Ермолина, любимого Боровска, так и не ставшего близким Обнинска... Он заговорил обобщениями, размышляя об ушедшей эпохе, о судьбе России и поэта в ней. Из обнинского он неожиданно стал всероссийским Прокошиным. Не все это поняли сразу. Наверное, не все осознают и теперь. Да и сам он, вероятно, не успел это осознать.

Безумно жаль, что судьба отпустила ему так мало. Я отлично знаю, как много Прокошин ещё мог написать и какими мощными, зрелыми были бы эти стихи. Но тут — как со всеми рано ушедшими поэтами — остаётся только благодарить Бога за то, что они у нас вообще были. Без Прокошина русская поэзия была бы неполна, таких стихов точно никто бы не написал.

Мне приходится читать в год сотни поэтических книг, тысячи, может, десятки тысяч стихов. Редко какие из них трогают так, что запоминаются и остаются в памяти и душе — надолго. Стихи Прокошина я услышал и почувствовал так, будто давно ждал их. Уверен, так было и так будет со многими его будущими читателями.